

многообразием фольклора военных лет — своеобразного исторического документа пережитой человечеством трагедии.

Э. Гофман-Померанцева

Józef Gołąbek. *Car Maksymilian* (Widowisko ludowe na Rusi). Z jedną ryciną w tekście. Prace Komisji etnograficznej, № 17. Polska Akademia Umiejętności, Kraków, 1938, 97 pp.

В 1938 г. в Трудах Этнографической комиссии польской Академии Наук вышла книга польского слависта Голомбека, посвященная анализу русской народной пьесы «Царь Максимилиан». Голомбек и раньше интересовался народными театральными действиями и посвятил особую работу скоморохам и их значению («Dawni artysci ludowi na Rusi skomorochowie»), к сожалению, не появившуюся в печати и лежащую в рукописи.

В книге «Car Maksymilian» автор использовал 23 варианта пьесы «Царь Максимилиан», среди них два ненапечатанных рукописных варианта: вариант из Богородского уезда Московской губ. и вариант под названием «Maskarada», записанный на польском языке в 1937 г. в селе Лахевка. На стр. 91 приведена репродукция фотографии участников пьесы «Маскарад» в селе Лахевка, в костюмах.

Во второй главе приводится содержание пьесы «Царь Максимилиан», причем по имени у автора книги материалам указывается различие содержания отдельных частей пьесы. Голомбек приходит к заключению, что конец каждого варианта пьесы «Царь Максимилиан» имеет различное содержание, начало же пьесы во всех вариантах начинается с выхода царя Максимилиана.

Третья глава книги Голомбека посвящена анализу драмы. Автор вполне правильно говорит о трудности и просто невозможности причислить драму «Царь Максимилиан» к одному из видов драматических произведений: это не трагедия и не комедия. Автор анализирует в этой главе трагические и комические элементы в пьесе «Царь Максимилиан», далее эпические и лирические элементы этой пьесы. Голомбек отмечает заимствования в пьесе из лубочных песенников, из произведений Пушкина и других писателей, из водевилей, из вертепных сценок и т. п. Далее автор останавливается на вопросе о трудностях характеристики действующих лиц «Царя Максимилиана». В конце главы автор отмечает, что пьеса «Царь Максимилиан» получила распространение только у восточных славян: у русских, украинцев, белорусов.

Пятая глава посвящена стилю пьесы «Царь Максимилиан». Автор приходит к заключению, что в основе пьесы лежит русский язык, и отмечает налеты в некоторых вариантах языков украинского и белорусского, а также отзвуки церковно-славянского языка. Далее в этой главе рассмотрена ритмика стихотворных мест в этой пьесе, и дается стилистический анализ отдельных мест пьесы: использование ономимов, метафор и других стилистических приемов для достижения комических эффектов.

В главе о происхождении пьесы «Царь Максимилиан» Голомбек приводит гипотезы о происхождении этой пьесы Морозова, Калаша, Соболевского, Волкова, Щеголева и Мартыньянова. Дополним, что недавно в чешском журнале «Slovo i slowesnost» была высказана гипотеза о влиянии на нашу пьесу чешской народной драмы о св. Дороте.

В последней главе автор подошел к пьесе как к театральному представлению: отмечены своеобразные костюмы, реквизиты, декорации и т. п., а также роль режиссера в постановке этой пьесы.

П. Богатырев

Czesław Pietkiewicz. *Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego*. Warszawa, 1938.

Маститый польский ученый Чеслав Петкевич (1856—1936) был уроженцем белорусского Полесья, где провел 36 лет своей жизни. В глубокой старости принимается он за монументальный этнографический труд о белорусах. В 1928 г. в Кракове вышла книга Петкевича «Polesie Rzeczyckie», часть I: «Kultura materialna».

Рецензируемая книга (1938 г.) представляет второй том труда о речичком Полесье. Некоторые главы этого тома были опубликованы еще при жизни автора в журналах «Lud», «Wiedza i życie», «Wiadomości ludoznawcze». Незадолго до германской оккупации в Варшаве был сдан в печать третий том «Речичского Полесья», посвященный истории края.

Трехтомный труд Чеслава Петкевича принадлежит к распространенному в польской этнографической литературе типу работ, занимающих промежуточное положение между сборником материалов и монографией. Рецензируемый том отличается особенной пестротой составляющих его элементов: это отчасти сборник текстов, отчасти семасиологический словарь, отчасти этнографическое описание, отчасти мемуарные записки и отчасти исследование, которое ставит научные проблемы. Обширный и тщательно документированный материал этой книги относится к району Хойник и Речицы шестидесятих-восемидесятих годов прошлого века. Автор излагает

народи
ловека
лору,

В
кевич
ми —
с мат
только
и игр
музык
водсти
други.

Н
расск
делае
Петке
стиан
реход
а так
жет т

Л
нелъз
и стр
Аарне
приво

М
для
руск
волш
некле
(см.

Г
змее
справ
с нес

лива
обыч
но ра
мер,
класс
богат
в по
Петк

Г
зок
(иног
кото
жете
сти
ском
встр

тely
430—
дере
быто
прив
сказ
зиру
тани
бело

бело
изоб
удел
русс
1928

вици

народные воззрения на атмосферные явления, времена года, животный мир, на человека; сообщает сведения по народной медицине, верованиям, музыкальному фольклору, а также дает многочисленные тексты пословиц, загадок.

В первом томе «Речицкого Полесья», посвященном материальной культуре, Петкевич неоднократно подчеркивал связь между миром вещей и обрядами, верованиями — духовной жизнью. Во втором томе духовная культура рассматривается в связи с материальной культурой. Так, в главе XVIII (Музыка и танцы) Петкевич не только характеризует высокий уровень музыкальной культуры полешуков-белоруссов и игру отдельных народных музыкантов-скрипачей, дударей, но и описывает самые музыкальные инструменты, рассказывает о полесских мастерах скрипичного производства и об основных стадиях ремесленного производства белорусской скрипки и других народных инструментов.

Немало дает книга Петкевича для уяснения отношений между легендарным рассказом, сказкой и народными верованиями, хотя выводов на этот счет автор не делает. Характеризуя, например, воззрения старой полесской деревни на чорта, Петкевич приводит целый ряд народных рассказов об обмане чорта, купившего христианскую душу, являющихся показателями того, как суеверный рассказ может переходить в сказку и как сказочное может растворяться в легендарном и суеверном, а также того, как под влиянием народных верований странствующий сказочный сюжет порождает многообразные варианты, имеющие местный бытовой колорит.

Любопытные отношения вскрываются между белорусским верованием о том, что нельзя спасти душу ребенка, которую чорт выпросил у отца его обманным путем, и странствующим сказочным сюжетом «Отдай, чего дома не знаешь» (№ 313 по Аарне-Андрееву), который принимает весьма своеобразное выражение в текстах, приводимых Петкевичем (стр. 162—163).

Многие тексты Петкевича являются интересным художественным материалом для выяснения проблемы фольклорных жанров. Этот материал, собранный в белорусском Полесье, убеждает, что легендарный рассказ может не уступать лучшей волшебной сказке богатством художественного вымысла (см., например, рассказ о некле на стр. 154—155) и психологической выразительностью отдельных эпизодов (см. легенду о бже-страннике на стр. 154—155).

Приводимые Петкевичем в X главе («Животные») поверья о животном мире (о змее-рапухе, имеющей, якобы, дурной глаз, о филине — чортовом наемнике, о журавле — справедливом болотном хозяине и многие другие) обнаруживают органическую связь с несравненным в художественном отношении белорусским животным эпосом и проливают некоторый свет на то, что в белорусском фольклоре животная сказка лишена обычной для этого жанра замкнутости и обособленности от современного полнокровно развивающегося фольклора; белорусская сказка на один и тот же сюжет (например, о волшебном камне) с одними и теми же персонажами в различных вариантах классифицируется и как животная и как волшебная, легендарная. Необычайные богатства народной фантазии, яркое, непосредственное ощущение мира проявляются в повседневных беседах, отдельных замечаниях белоруссов-полешуков, приводимых Петкевичем (см., например, рассказ о Морозе-Волоте на стр. 19 и др.).

Подобные воззрения являются мощным питательным источником волшебных сказок и легенд и, в частности, распространенных по всей Белоруссии героических (иногда с резкой социальной окраской) сказок о богатырях и сказок о деде-Морозе, который нередко заменяет традиционного сказочного журавля в странствующем сюжете «Журавлиный кошелек». Многочисленные поверья (вроде приведенного) отчасти объясняют, почему сказки и заговоры, сказки и обрядовые песни в белорусском фольклоре дают примеры такого своеобразного симбиоза, с каким мы не встретимся в фольклоре других народов.

Значительный этнографический и лингвистический интерес представляют ругательные выражения и проклятья, опубликованные в рецензируемой книге (стр. 430—440). Исключительное многообразие проклятий, распространенных в полесской деревне, находится в связи с заклинаниями, заговорами, древним колдовством и бытовыми пережитками. Книга Петкевича не разрешает проблемы этой связи, но приводимый в ней материал наталкивает на ее решение. Много интереснейших рассказов и поверий, много метких и свежих наблюдений рассеяно на страницах рецензируемой книги. Интересны, например, наблюдения автора относительно иконопочитания (стр. 172—174) и отмеченные автором некоторые черты психического облика белоруса-полешука (глава XIX).

При том широком направлении, которое принял труд Петкевича, досадным пробелом является отсутствие в рецензируемом томе глав, посвященных народному изобразительному искусству, сказкам, обрядовому фольклору, которому, правда, уделено значительное внимание другой современной польский исследователь белорусского Полесья Казимир Мошинский, автор книги «Polesie Wschodnie» (Варшава, 1928).

Многие недочеты книги Петкевича связаны с осколочным характером ее композиции, обусловленным неопределенностью методологических позиций автора. Непра-

вомерно, например, рассмотрение народных представлений о божестве и святых в отрыве от народных суеверий (стр. 165—182) или рассмотрение народных воззрений на крест и присягу рядом с воззрениями народа на попов (стр. 175—182). Нередко автор вместо воззрений белоруссов-попелушков на тот или иной предмет или явление приводит случайные странствующие анекдоты, сказки (стр. 164, 179—182); как правило, автор не учитывает степени распространенности, степени типичности для данной местности сообщаемых им поверий и обычаев. Указывая варианты к публикуемым в книге повествовательным текстам, автор ограничивается ссылками на весьма немногие белорусские сборники, используя их неполностью. Такие необходимые источники, как IV и VI выпуски «Белорусского сборника» Романова, даже не отмечены в списке литературы предмета (стр. IX—X). Указывая в этом списке ряд работ, имеющих косвенное отношение к теме своей книги, Петкевич не упоминает таких капитальных трудов, специально посвященных белорусскому Полесью, как «Пинчуки» Булгаковского.

Недочетов в книге Петкевича много, но мы не стремимся перечислять их исчерпывающим образом. Несомненно, что при всех своих недочетах книга Петкевича займет видное место в белорусской этнографической литературе. «Речицкое Полесье» — наиболее обширный этнографический труд, посвященный отдельному району Белоруссии и охватывающий самые различные стороны народной жизни. Научная ценность этого труда определяется тем, что его автор много лет прожил в белорусской деревне, в непосредственной близости к крестьянской массе, с любовью изучая ее быт. Сведения, сообщаемые Петкевичем, основываются нередко на наблюдениях, малодоступных экскурсирующему этнографу.

Л. Баран

Emily Carr. «Klee Wyck». New York — Toronto, 1942.

Автор книги — Эмилия Кар, известная художница Канады, родилась в г. Виктории в Британской Колумбии. Ей сейчас 70 с лишним лет. Получив художественное образование в Англии и Франции, она всю свою жизнь провела на западе Канады. Ее общение с индейцами началось с раннего детства в Виктории. С пятнадцатилетнего возраста она начала свои поездки в индейские селения, куда привлекала ее художественная красота огромных тотемных столбов, стоявших перед домами индейцев. Большая часть полотен художницы посвящена индейцам побережья Британской Колумбии, славившимся некогда высоким мастерством резьбы по дереву.

Книга состоит из небольших очерков художницы, написанных в течение многих лет ее путешествий по побережью. Название книги «Klee Wyck», в переводе «смеющаяся» — индейское имя художницы. С целью зарисовки тотемных столбов Кар побывала во многих селениях различных племен побережья. Наиболее сильное впечатление на нее произвела художественная резьба по дереву индейцев племен Хайда и Цимшиан, у которых это искусство было наиболее высоко развито, а ко времени посещения художницей было уже оставлено. Селения с большими коммунальными домами и рядом тотемных столбов перед ними были в большинстве уже заброшены, а индейцы жили в новых селениях, расположенных недалеко от старых. Новые селения состояли из маленьких деревянных домов, без тотемных столбов и каких-либо признаков резьбы. Автор красочно описывает свои поездки в эти селения и жизнь индейцев в них.

Недостатком книги является отсутствие дат посещений автором того или иного племени и селения. Часто автор не приводит названий описываемых ею селений и не указывает племенной принадлежности лиц, о которых идет речь. Следовало бы также ожидать большего количества иллюстраций от автора-художницы, а в книге приведены только три, правда, прекрасные картины.

Однако несмотря на эти недостатки книга очень интересна и своеобразна. Она проникнута глубокой симпатией к индейцам, прекрасным пониманием их современной психологии. Автор жила в их среде, со многими была в большой дружбе. Она без всяких прикрас описывает жизнь индейцев, исковерканную «цивилизацией»: голод, лохмотья, грязь, болезни, запуганность миссионерами и жалкие попытки приспособления к новым условиям. Все это автор, как истинный художник, обрисовывает ярко, короткими фразами, конкретными фактами из жизни индейской семьи или кого-либо из своих друзей-индейцев. Например, с индианкой, по имени София, автора связывала сорокалетняя дружба; она задушевно описывает Софию, жизнь ее семьи и окружающих. «Я видела Софию, — пишет автор, — радостной, печальной, больной и пьяной». София родила 21 ребенка, выжило трое. «Соседка Софии, Сюзанна, рожала и хоронила детей с такой же быстротой, как и София».

Кар выступает против так называемых «индустриальных школ-пансионатов для индейских детей», из которых дети выходят ленивыми, испорченными и стыдящимися своей культуры. В отрицательных тонах показана деятельность миссионеров, их грубость, алчность и несправедливость по отношению к индейцам.

А
есть
телей
цы
пл
Китва
В
высок
одной
ним
томко
К
индей